
ЕВРОПА И РОССИЯ НА ПОРОГЕ НОВОЙ СТРУКТУРЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.М. Заболотный

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена актуальным проблемам формирования новой системы коллективной безопасности в Европе в условиях острого кризиса прежней геополитической ситуации. Приводится анализ как старых представлений о системе коллективной безопасности, так и новых концепций безопасного мира. Затрагиваются сложные вопросы взаимодействия стран континента в области топливно-энергетического сотрудничества и формирования новых представлений об энергетической безопасности отдельных стран.

Ключевые слова: новая система коллективной безопасности в Европе, острый кризис геополитической ситуации, концепции безопасного мира, взаимодействие стран континента, энергетическая безопасность.

Военные события в Грузии, небывалый финансовый кризис 2008 г. и очередной газовый конфликт между Россией и Украиной в начале 2009 г. вновь поставил перед Россией и Европой те же самые задачи, которые, казалось, уже были решены в первые годы нового столетия. Но если страны Европы озабочены прежде всего корректировкой уже давно устоявшихся рыночных механизмов, наведением порядка в банковском секторе экономики и проблемами энергетической безопасности в их традиционном понимании, то Россия снова оказалась на распутье, столкнувшись с проблемами цивилизационного выбора. Судя по всему, нынешний кризис является последним этапом в так называемом «каскаде бифуркаций», когда каждый раз приходилось делать судьбоносный выбор и определять главные векторы дальнейшего развития.

В декабре 2008 г. цена российской нефти упала до 35 долларов за баррель и тем самым опрокинула даже самые пессимистические прогнозы нефтяников. И только сейчас вдруг стало совершенно ясно, что все предыдущие благоприятные годы были безвозвратно утрачены. Огромные доходы от нефти и газа ушли в песок, инновационная экономика так и не заработала, реформа образования не завершена, национальная промышленность продолжает деградировать, а сельское хозяйство фактически не в состоянии обеспечить страну даже самым необходимым количеством продовольствия. И в который раз мы сталкиваемся со старой проблемой: управление сложными социальными процессами, встроенными в глобализованный мир, в «ручном режиме» практически невозможно. Слишком велика цена ошибок и слишком ненадежен сам субъект управления, не говоря уже об объекте.

Финансовый кризис последнего времени, а также конфликт с соседями по поводу транзита российского газа со всей очевидностью показал, что для их решения требуется совершенно новый механизм нестандартного синтеза управленческих задач и принципиально новый подход к изучению необыкновенно сложного

объекта управления со всей его неповторимостью и компонентным разнообразием. По сути дела, проблемы европейской безопасности мало изменились с тех пор, как ведущие западные эксперты сформулировали главные признаки этой безопасности (1). Изменилась только направленность. Представление о безопасности стало носить комплексный характер, включая в себя безопасность экологическую, продовольственную, социальную и т.д. Однако нам представляется, что в основе широкого комплекса системы коллективной безопасности в Европе (СКБ) начала XXI в. лежат два важнейших фактора: бесперебойные поставки энергоресурсов и так называемая «гуманитарная интервенция».

Что касается энергетической безопасности, то ее контуры более или менее известны и могут быть сведены к ряду межгосударственных мер по налаживанию надежных транзитных маршрутов между поставщиками и потребителями энергии. После распада СССР и крушения коммунистических режимов в странах Восточной Европы казалось, что старые проблемы времен холодной войны решились естественным ходом истории, однако последовавшие за этим события перечеркнули все надежды на прочный мир и добрососедские отношения между соседними странами. Образование СНГ и цивилизационный выбор стран Восточной Европы не стали частным случаем всеобщего процесса деколонизации и освобождения современного мира, а породили массу других проблем, требующих коллективных усилий всего европейского сообщества. Геополитика пространств, императивы которой заключались в захвате, удержании и расширении жизненного пространства, незаметно сменилась не менее жесткой геополитикой ресурсов, когда главной целью стало не обладание территорией, а контроль над источниками ресурсов, в особенности энергетических, и надежными маршрутами их транспортировки.

В связи с этим традиционную геополитику, сформировавшуюся во времена Макиндера и Хаусхофера, все чаще стали называть «системой взаимодействия региональных экономик вместе со средствами инфраструктурного обеспечения» (2). Более того, в начале XXI в. в рамках традиционной геополитики отчетливо выделилась группа органически связанных между собой структурно-функциональных проблем, получивших название «геоэкономики». Но и это понятие оказалось слишком широким для обозначения тех тенденций современного мира, которые связаны с глобальными энергетическими ресурсами. Нет сомнений, что в скором будущем в рамках геоэкономики появится более конкретный узел проблем — геоэнергетика (3).

Новая Россия, болезненно пережив в начале нового столетия утрату контроля над территориями некогда единого геополитического пространства, вдруг обрела второе дыхание и стала эффективно использовать то оружие, которое оказалось в данный момент наиболее эффективным. Поставки нефти и газа бывшим союзникам, а также многим другим странам Европы стали не только источником пополнения государственного бюджета, но и важнейшим средством восстановления разрушенного в результате «геополитической катастрофы» равновесия в болезненно формирующейся новой структуре мирового порядка.

В конце 90-х гг. XX в. известный американский политолог и координатор Комитета по исследованию проблем включения Восточной Европы и России

в НАТО Айра Строс (Ira Straus) довольно точно обрисовал модель новой геополитической реальности, поместив страны Восточной Европы в сферу влияния Европейского Союза, хотя и подчеркнул при этом, что в этом регионе еще долго будет испытываться на прочность сила Запада (4).

Концентрическая модель нового мирового порядка А. Строса в целом верно отражает доминирующие тенденции современного мира (5), за исключением, пожалуй, его главной составляющей — энергетических ресурсов, которые сами по себе стали важнейшим геополитическим фактором исторического развития.

Следует напомнить, что геополитический характер энергоресурсов отчетливо проявился еще в годы Второй мировой войны, когда наступление германских войск зачастую прерывалось из-за нехватки топлива для танков и автомобилей. Однако окончательное превращение энергоносителей в ведущий геополитический фактор произошло, вероятно, в первой половине 70-х гг. XX в., когда нефтяное эмбарго стран ОПЕК после очередной арабо-израильской войны «Судного дня» фактически поставило всю экономику Запада на грань энергетического коллапса.

Режим жесткой экономии, а также переход преимущественно на потребление природного газа позволил странам Европы преодолеть этот кризис. «Энергия является основой западного индустриального общества, — говорилось в послании крупнейших американских экспертов только что избранному президенту США Джорджу Бушу-старшему. — Сегодня мы имеем значительный запас прочности в области энергетической безопасности и можем рассчитывать на такую же высокую степень безопасности в 90-е гг...» (6).

В числе прочих рекомендаций правительству США впервые выдвигается идея о том, что вместо поставок нефти из районов, подверженных кризисным ситуациям, следует как можно быстрее переходить на природный газ, поставки которого связаны с гораздо меньшими рисками. «В интересах безопасного и бесперебойного снабжения мир уже перешел от нефти к природному газу, углю и атомной энергии. Этот переход отражает как потребности экономического развития, так и высшие стратегические интересы развитых индустриальных стран» (7).

Есть все основания полагать, что под словом «мир» американские эксперты имели в виду прежде всего Западную Европу, которая незадолго до этого заключила весьма выгодный для себя контракт с СССР «газ-трубы», обеспечивавший значительную часть ее потребностей в природном газе.

Окончание «холодной войны», распад СССР и образование СНГ, обладающего значительными энергетическими запасами, породили на Западе надежду на то, что установление полного контроля над энергетическими ресурсами бывшего СССР и маршрутами их доставки на Запад — дело практически решенное. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, которые все свои надежды возлагали на эффективность проводимых реформ и на финансовую помощь Запада, государства СНГ остро нуждались в средствах для запуска реформ, единственным источником которых могли быть только энергоресурсы.

Однако геополитическая ситуация резко изменилась в начале нового столетия, когда бывшие союзники СССР в Восточной Европе стали членами НАТО и Европейского Союза, что создавало непосредственную угрозу существованию разоренной хаотическими и весьма неэффективными реформами России. Все надежды на благодушное отношение Запада к происходящим в России процессам не оправдались. То есть оправдались лишь в той части, которая предусматривала утрату национального суверенитета над значительной долей природных богатств, что фактически было равносильно распаду российской государственности.

Иначе говоря, резко нарушилось десятилетиями складывавшееся равновесие на некогда едином геополитическом пространстве, и восстановить его старыми традиционными методами (ядерное сдерживание) было практически невозможно. В жестком противостоянии России с единой Европой стали все чаще использоваться средства энергетического давления, неожиданно превратившиеся в самое эффективное оружие внешней политики. «Сколько бы не говорил «Газпром» о том, что он просто делает бизнес и не будет использовать газовый кран как политический инструмент, — с горечью отмечал вице-президент российско-европейского энергетического форума Club de Nice Доминик Фаш, — все равно единственный поставщик топлива — это угроза национальной безопасности» (8).

Нет ничего удивительного в том, что сообщения СМИ последних лет стали напоминать сводки с нефтяных и газовых полей сражения. Европейский Союз безуспешно пытается навязать России Хартию энергетической безопасности и добраться наконец до источников энергоресурсов (9). Что же до России, то она всеми силами противится давлению и, в свою очередь, стремится прорваться на европейский рынок энергоносителей, в связи с чем на саммите «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге предложила свою концепцию энергобезопасности, изрядно напугав небольшие соседние государства. Польша, Украина и страны Балтии с опаской отнеслись к идее строительства нового газопровода по дну Балтийского моря, а Соединенные Штаты решительно предупредили Европу о недопустимости слишком большой зависимости от энергоресурсов России. Вскоре после этого Россия прервала переговоры с США и Норвегией о совместной эксплуатации Штокмановского месторождения газа, а Китай упрямо двинулся к источникам нефти и газа в Центральной Азии.

К этому следует добавить, что страны Восточной Европы принялись лихорадочно искать альтернативные источники энергии, Турция пригрозила закрыть проливы для танкерного флота, Западная Европа зябко поеживается от перспективы создания газового ОПЕК и задумывается о создании на своей территории единого энергетического рынка, Польша фактически сорвала процесс принятия нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и РФ в Хельсинки, а на саммите НАТО в Риге вопросы военно-стратегической безопасности впервые уступают место проблемам безопасности энергетической и т.д. Даже союзная Белоруссия лихорадочно бьется в тисках энергозависимости и тщетно пытается найти хоть какую-то альтернативу российским энергоносителям.

Эксперты Евросоюза единодушно признают, что обеспокоенность Европы проблемой надежности поставок энергоресурсов, существовавшая в последние

годы, зимой 2006 г. переросла в самую настоящую истерию. «Непосредственным поводом для этого, — отмечает, например, эксперт Германского общества внешней политики Франк Умбах, — бесспорно, стал российско-украинский кризис начала нынешнего года» (10). Все дело в том, что до этого кризиса сырье считалось самым обыкновенным товаром, поставки которого всецело подчинялись законам спроса и предложения. А в последние годы оказалось, что это товар особого рода, так как он невосстановим и предельно конечен. В результате произошел важный сдвиг в глобальном балансе сил власти между производителями энергоресурсов и их потребителями.

На фоне бесконечных разговоров о принципиальной исчерпаемости энергоресурсов производители получили дополнительные преимущества и попытались перетянуть на свою сторону третью силу в этом замысловатом треугольнике — так называемые транзитные государства. Транзитеры вклинились в традиционные взаимоотношения «производители-потребители» и создали новую конфигурацию в глобальной сети энергопоставок. Другими словами, производители почувствовали свою силу и не избежали искушения использовать ее в качестве важнейшего средства установления нового геополитического равновесия.

С этой точки зрения все шаги российского правительства становятся не только понятными, но и в значительной степени оправданными. Утратив все традиционные рычаги политического воздействия на окружающий мир, Россия ухватилась за энергоресурсы, прекрасно понимая, что через 20—30 лет этот важный арсенал может быть исчерпан, и тогда огромная страна останется один на один с Большой Европой и не сможет противопоставить ей ничего, кроме, пожалуй, зеленого леса и пресной воды. Однако проблема вовсе не в том, что Россия пытается использовать энергоресурсы в качестве средства воздействия на окружающий мир, что вполне естественно и даже необходимо, а в том, что это сопровождается столкновением «глобалистических тенденций с традиционалистскими, отчасти полуфеодалными напластованиями» (11).

В более общем плане противостояние производителей и потребителей при крайне непоследовательном, а иногда и эгоистичном посредничестве транзитеров (о чем более чем красноречиво свидетельствует газовый конфликт между Россией и Украиной в начале 2009 г.) представляет собой вполне созревшее противоречие между силами глобализации (в лице наиболее развитых стран Запада) и все еще мощными силами традиционного национального суверенитета, куда, вне всяких сомнений, можно отнести Россию, Китай, страны СНГ и прочие развивающиеся страны.

Разрешение этого глобального противоречия, неизбежно приобретающего геополитическую окраску, следует ожидать только с естественным ходом развития и при соблюдении трех важнейших объективных условий.

Во-первых, появление надежных и не столь дорогостоящих альтернативных источников энергии, что само по себе является делом отдаленного будущего. А между тем можно гораздо более эффективно использовать традиционные источники энергии (геотермальной, угольной, ветряной, гидроэлектрической, атом-

ной и др.). Кстати сказать, важные шаги в этом направлении делаются уже сейчас. Так, например, в ноябре 2006 г. в Париже было подписано международное соглашение о создании первого в мире экспериментального термоядерного реактора. Первые идеи о целесообразности такого источника энергии появились еще в 50-е гг. XX в., но только сейчас вышеупомянутые обстоятельства сделали такие идеи достаточно привлекательными и принципиально осуществимыми.

Во-вторых, проблема энергопоставок последнего времени во многом объясняется ужесточившимися экологическими требованиями. Не секрет, что обеспокоенная экологическими проблемами Европа отдает предпочтение газу, считая его экологически чистым по сравнению с другими источниками энергии. Стало быть, строгое выполнение Киотского протокола и новейшие разработки в области защиты окружающей среды могут снизить потребность в энергоносителях.

И, наконец, последнее. Глобализация мировой экономики должна сопровождаться разработкой новых геополитических правил, которые могли бы если не устранить, то во всяком случае снизить уровень противостояния между глобальными интересами Запада, потребляющего львиную долю энергоресурсов, и национальными интересами экспортеров и транзитеров, которые впервые получили в свои руки столь мощное оружие защиты. Энергоносители должны снова стать обычным товаром, потоки которого подчиняются общим правилам, надежно регулируются мировым сообществом и используются с максимальной пользой не только для производителей и потребителей, но и обладателей транзитных маршрутов. В противном случае в мировой политике может появиться сценарий «новой геополитической драмы» (12). Судя по всему, это последний рубеж на пути к глобальному мировому хозяйству, и он может быть преодолен только с учетом интересов всех участников, а не только крупнейших энергетических компаний.

Весьма примечательно, что именно с этой инициативой выступил недавно президент Ф.Д. Медведев, предложив срочно созвать саммит глав государств и правительств стран Европы по решению проблем энергетической безопасности и обеспечения надежной и беспрепятственной доставки энергоносителей к потребителям. А глава правительства В. Путин откровенно заявил, что в некоторых странах-транзитерах «фетишируется газотранспортная система, она считается национальным достоянием, доставшимся чуть ли не с небес, и не подлежит приватизации» (13).

Таким образом, проблема энергетической безопасности неожиданно сомкнулась с проблемой национального суверенитета, которая в конце прошлого столетия наполнилась новым содержанием в связи с так называемой концепцией «гуманитарной интервенции». Напомним, что впервые эта теория была выдвинута премьер-министром Великобритании Тони Блэром в апреле 1999 г. в Чикаго накануне юбилейного Вашингтонского саммита НАТО и изначально была нацелена на коренной пересмотр принципов Вестфальского мира, заключенного еще в 1648 г. после кровопролитной Тридцатилетней войны.

В основу этой концепции был положен тезис о том, что отныне гуманитарная катастрофа не может считаться чисто внутренним делом того или иного го-

сударства и что международное сообщество не только вправе, но и обязано вмешиваться в подобные гуманитарные кризисы с целью восстановления погрязших прав человека. Эта идея с самого начала спрягалась с активно пропагандируемой некоторыми странами Запада концепцией «ограниченного суверенитета», также допускающей вмешательство во внутренние дела других государств под предлогом оказания гуманитарной помощи. Именно эта концепция служила оправданием для «миротворческой операции» НАТО в Косово и свержения режима Милошевича (14).

События на Балканах, а потом и в Ираке раскололи мир на два лагеря — сторонников «гуманитарной интервенции» и ее противников, причем во главе последних самое достойное место до последнего времени занимала именно Россия. «Новые интервенционисты», по мнению многих американских политологов, чаще всего обращают внимание на моральные обязательства мирового сообщества перед незащищенными народами и решительно отстаивают право на вооруженное свержение незаконных или слишком бесчеловечных режимов, когда внутренний кризис угрожает региональной или глобальной безопасности (15).

Что же до России, то она до последнего времени решительно отстаивала права суверенных народов и, не возражая в целом против оказания гуманитарной помощи пострадавшим нациям, аргументировано ссылалась на несовершенство правовой базы подобного вмешательства. И эта точка зрения находила понимание даже среди сторонников «гуманитарной интервенции», не склонных преувеличивать роль национального суверенитета в подобных делах.

Однако события недавнего времени на Кавказе и «блицкриг» России в Грузии коренным образом изменили расстановку сил в этом вопросе. Отвергая на словах право на вмешательство во внутренние дела других стран, Россия фактически перечеркнула свою прежнюю позицию и использовала орудие «гуманитарной интервенции» для принуждения к миру зарвавшееся руководство Грузии. Означает ли это радикальные перемены во внешней политике России? И да, и нет.

С одной стороны, российское руководство устами президента Д. Медведева продемонстрировало Западу пагубность подобного подхода к решению международных проблем, а с другой — выразило решимость отстаивать свои национальные интересы и, что более важно, впервые открыто заявило об их существовании, подключив Запад к тому самому «каскаду бифуркаций», в котором оказалась сама. Иначе говоря, Россия успешной военной операцией на Кавказе поставила перед Западом проблему коренной реформы всего механизма коллективной безопасности, основанной на Ялтинской системе международных отношений и в значительной степени утратившей способность эффективно и своевременно реагировать на вызовы XXI в.

Об актуальности этой задачи свидетельствует повестка дня встречи глав государств и правительств ЕС 11—12 декабря 2008 г. в Брюсселе. Помимо острого финансового кризиса и его последствий, амбициозного плана борьбы с изменением климата и ратификации Лиссабонского договора там будут рассмотрены последствия вооруженного конфликта в Грузии в контексте энергетической безопасности и так называемого «Восточного партнерства» со странами бывшего СССР.

Вне зависимости от конкретных результатов этого саммита Единая Европа так или иначе вынуждена будет ответить на ряд важных вопросов, без решения которых добрососедские отношения на континенте могут оказаться под угрозой. Во-первых, в основу нового фундамента коллективной безопасности должны быть положены принципы истинного равноправия и взаимного учета национальных интересов. Возможно, в далеком будущем эта задача будет снята естественным ходом событий и расширением процесса глобализации, но сейчас решить проблемы международной безопасности без учета принципа национального суверенитета практически невозможно.

Во-вторых, необходимо ускорить работу по подготовке и подписанию новой Энергетической хартии, в которой с максимальной точностью и ясностью будут прописаны права и обязанности не только экспортеров и импортеров, но и транзитеров.

В-третьих, России и Европе придется рано или поздно договориться о принципах бесконфликтного сотрудничества на постсоветском пространстве СНГ, исключающего любые попытки его искусственного разрыва на противостоящие враждебные группировки путем создания «санитарных кордонов».

Есть все основания полагать, что решение этих главных проблем неизбежно повлечет за собой более или менее успешное решение всех остальных. Это первые звенья в цепи чрезвычайно сложных и противоречивых вызовов нового столетия, и «вытянуть» их можно только при условии надлежащей политической воли, чувства ответственности за судьбы континента и готовности к взаимовыгодным компромиссам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. например: *Rudney R., Reyhler L. (ed). European Security Beyond the Year 2000.* — N.Y., 1988.
- (2) Классика геополитики, XX век. — М., 2003. — С. 706.
- (3) См.: *Заболотный В.* Энергетическая безопасность стран Центральной и Восточной Европы в контексте новой геополитической ситуации // Экономическое и гуманитарное сотрудничество России и Чехии: новые перспективы. Сб. докладов Международной научно-практической конференции. — М., 2007; *Заболотный В.М.* Проблемы энергетической безопасности стран Европейского Союза в контексте новой геополитической ситуации // Ученый, педагог, общественный деятель. К 85-летию почетного профессора Российского у-та дружбы народов, доктора исторических наук А.С. Протопопова. Сб. статей. — М.: РУДН, 2007.
- (4) См.: *Straus I.* Unipolarity. The concentric structure of the new world order and the position of Russia // *Космополис. Альманах 1997.* — М., 1997. — С. 154.
- (5) См. подробнее: *Заболотный В.М.* Восточная Европа в концентрической структуре нового мирового порядка // *Новое в истории и гуманитарных науках: коллективная монография.* — М., 2000. — С. 191—197.
- (6) *American Agenda. Report to the Forty-First President of the united States of America / Book-of-the-Month Club.* — P. 270.
- (7) *Ibid.* — P. 267.
- (8) *PVK daily.* 23.11.2006.
- (9) Россия подписала Европейскую энергетическую хартию и базирующийся на ней Договор об энергетической хартии, однако Государственная Дума его до сих пор не рати-

фицировала из-за явного нежелания руководства страны в одностороннем порядке открыть энергетический сектор для зарубежных предприятий.

- (10) Энергия Европы // *Время новостей*. 29.11.2006.
- (11) Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. — М., 2004. — С. 62.
- (12) *Гетц Р.* Российская энергетическая политика // *Internationale Politik*. — № 1. — 2006. — С. 11.
- (13) Независимая газета. 13.01.2009.
- (14) В резолюциях ООН не дается исчерпывающее определение «гуманитарной интервенции» или «гуманитарной помощи», а предпринимаемые меры в этом отношении меры ограничиваются поставками продовольствия и защитой мирного населения. См, например: Резолюции № 836, № 688 СБ ООН // *Международные организации и кризис на Балканах. Документы*. — Т. 1. — М., 2000.
- (15) *Stedman S.* The New Interventionists // *Foreign Affairs*. — 1993. — № 1. — P. 4; *Hoffmans S.* The Politics and Ethics of Military Intervention // *Survival*. — 1995/1996. — № 4. — P. 29—51.

RUSSIA AND EUROPE ON THE THRESHOLD OF A NEW COLLECTIVE SECURITY STRUCTURE

V.M. Zabolotnyi

World History Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the most important problems of emergence new collective security system in Europe in the conditions of a deep geopolitical crisis. It touches upon new ideas and conceptions of a secure world at the beginning of a new century and rather complicated problems of international relation among European countries in the field of energy cooperation and energy security.

Key words: the new collective security system in Europe, deep geopolitical crisis, conceptions of a secure world, international relation among European countries, the energy security.